

ИСТОРИИ

«Поставьте себя на мое место. Как вы будете защищаться от этого абсурда?» В Москве начинается закрытый процесс по делу Ивана Сафронова. «Медуза» публикует заявление журналиста с первого заседания

05:04, 4 апреля 2022 · Источник: Meduza

Фото: Сергей Карпухин / ТАСС. Иван Сафронов на суде о продлении ареста.
10 февраля 2022 года

Это PDF-версия материала, опубликованного на «Медузе». Вы можете отправить этот файл в любом мессенджере или по электронной почте вашим близким в России, особенно тем, кто не умеет обходить блокировки. Вы можете также распечатать этот текст и показать его тем, кто не пользуется интернетом.

«Медуза» признана «нежелательной» организацией на территории РФ, поэтому, пожалуйста, будьте осторожны и делитесь нашими материалами только с теми, кому доверяете.

Подробнее о «нежелательном» статусе.

Самый удобный способ читать «Медузу» без VPN — это скачать наше приложение. Оно работает в России, несмотря на блокировку, и это абсолютно безопасно. Версия для iOS и для Android. Приложение на Android также можно скачать по прямой ссылке.

Устанавливайте приложение не только себе, но и близким!

4 апреля Мосгорсуд начинает рассматривать по существу дело Ивана Сафронова⁽¹⁾. Журналиста обвиняют в «государственной измене», поэтому весь процесс будет закрытым от слушателей и СМИ. «Медуза» публикует текст обращения Ивана Сафронова к суду, с которым журналист планирует выступить на первом заседании. Этот текст редакции передал глава проекта «Первый отдел», юрист Иван Павлов⁽²⁾, участвовавший в защите журналиста.

Мое отношение к предъявленному обвинению

Настоящим заявляю, что я не признаю себя виновным по предъявленному мне обвинению в совершении двух преступлений, предусмотренных статьей 275 УК РФ, — «государственной измене в форме шпионажа».

Я желаю выразить свое отношение к предъявленному обвинению.

1.

Мне предъявлено обвинение по не предусмотренному УК РФ составу преступления.

В диспозиции статьи 275 УК РФ отсутствует упоминание о «собрании в целях передачи, а также передаче представителю иностранного государства и иностранной организации сведений, составляющих государственную тайну».

Согласно требованиям уголовного и уголовно-процессуального закона, предъявление обвинения по не предусмотренному УК РФ составу преступления недопустимо.

2.

Преступлений, по которым мне предъявлено обвинение, я не совершал.

Поставленные мне в вину действия сводятся исключительно к моей профессиональной журналистской деятельности и не имеют ничего общего с совершением преступления. В рамках своей профессиональной деятельности я действительно получал из открытых источников сведения, относящиеся к предмету моей профессии — военной журналистике.

Обладая соответствующими профессиональными навыками, умея анализировать полученную информацию и делать из нее выводы, я готовил журналистские материалы, в которых не содержалось

ни одной буквы и ни одной цифры, которые были бы получены мной тайно и тем более незаконно.

При этом в деле не просто отсутствуют какие бы то ни было сведения, из которых можно было бы понять, у кого, когда, при каких обстоятельствах и какие сведения, составляющие государственную тайну, я якобы «собирал», но в целом ряде процессуальных документов органом предварительного следствия прямо утверждается, что эти обстоятельства следствием не установлены.

Это не просто незаконно, это предельно дико — обвинять меня в особо тяжком преступлении, государственной измене в форме шпионажа, — и при этом не объяснять, в чем эти измена и шпионаж заключаются.

Во время предварительного следствия я десятки раз говорил следователю А. С. [Александру] Чабану, что могу без труда показать открытые источники, из которых я почерпнул использованные мной при написании журналистских материалов данные.

Я просил предоставить мне несколько часов и компьютер, чтобы доказать свою невиновность: я мог показать следователю открытые источники, в которых содержалась вся использованная в моей работе информация.

Я нахожусь в тюрьме, там у меня нет компьютера. Адвокаты не имели возможности приходить ко мне в следственный изолятор чаще одного раза в месяц. Таковы условия работы изолятора. Не только в изолятор, но даже в кабинет следователя, где мы с ними периодически виделись, адвокатов не пропускали не то что с ноутбуком или смартфоном, но даже с чистой бумагой и кодексами!

Как при таких условиях я должен был доказывать свою невиновность, кроме как прося следователя обеспечить мой доступ в интернет?

Следователь в удовлетворении моих и моих защитников ходатайств отказывал, цинично заявляя, что «предоставление Сафронову И. И. доступа в ИТКС „Интернет“ выходит за рамки полномочий следователя».

Это действительно предельный цинизм, если только не преступление против правосудия, — обвинять человека в совершении особо тяжкого преступления с санкцией до 20 лет лишения свободы и лишать его возможности защищаться.

3.

При этом я никогда не получал допуска к сведениям, составляющим государственную тайну. Никто и никогда

не знакомил меня с нормативными актами, определяющими предмет государственной тайны.

Я не знал и не мог знать, что использованная мной в рамках журналистской деятельности и полученная из открытых источников информация якобы относилась к сведениям, составляющим государственную тайну.

И я не знаю этого до сего дня. Но я точно знаю, что не бывает преступления без вины. Поэтому я абсолютно уверен, что не могу быть осужден за распространение собранных мной легально и открыто, как журналистом, сведений. Сведений, которые находились в публичном доступе. Сведений, об относимости которых к предмету «государственной тайны» я не только не знал, но даже не мог догадываться.

4.

Скажу больше. Меня обвиняют в том, что распространенные мной сведения составляют государственную тайну.

Я задаю вопрос — а кто вообще сказал, что эти сведения действительно секретные, тайные? Мне говорят в ответ, что об этом сказано в секретных положениях, приказах, инструкциях. Но я не знаю этих секретных приказов и инструкций, как и не знает о них любой человек с улицы! Покажите мне эти приказы и инструкции,

я не обязан верить обвинению на слово; я не могу защищаться от обвинения, которого не понимаю!

Ни у меня, ни у моих адвокатов доступа к этой «секретной» нормативной базе нет. В материалах дела эта нормативная база отсутствует. В открытом доступе ее также не имеется. В постановлении о моем привлечении в качестве обвиняемого она не названа, в обвинительном заключении отсутствует даже ее описание.

Мои защитники многократно просили разъяснить, какой конкретно нормативной базой закреплено отнесение якобы распространенных мной сведений к предмету государственной тайны, ознакомить их с ее содержанием. На это следователь заявил, что адвокаты не имеют права на ознакомление с правовыми актами и документами, носящими секретный характер.

Это полнейшее издевательство над законом и здравым смыслом!

Объясните мне — как вообще можно защищаться от обвинения, которое обусловлено положениями скрываемых от обвиняемого и его защиты законов?

5.

Предъявленное обвинение мне абсолютно не понятно.

Я множество раз просил следователя разъяснить мне его, но получал неизменный отказ. Я говорил об этом десятки раз, а теперь заявлю об этом суду — я не в состоянии защищаться от обвинения, которое не понимаю не только я, но и, уверен, не понимает сама сторона обвинения.

Поэтому я вынужден буду повторить то, что говорил следователю десятки раз:

- Выдвинутое против меня обвинение не содержит описания вмененных мне в вину действий. В обвинении начисто отсутствует указание на то, какие конкретно сведения, составляющие государственную тайну, я якобы передавал представителю иностранного государства и иностранной организации. Нет такого описания и в обвинительном заключении. Я не могу защищаться от обвинения, которое не выдвинуто.
- Предъявленное мне обвинение не содержит указания на то, у кого, когда, при каких обстоятельствах и какие сведения, составляющие государственную тайну, я якобы собирал. Отсутствует подобное описание и в обвинительном заключении. Я не в состоянии опровергать события, о которых мне не известно.
- Мне непонятно предъявленное обвинение в части якобы получения мной от «преступной деятельности» «незаконного» и «преступного»

дохода. Пусть мне объяснят, о каких деньгах идет речь, пусть мне скажут, где, когда и за что я их получил, — и тогда я с удовольствием докажу, что эти деньги не имеют отношения ни к какой незаконной или преступной деятельности!

- Меня обвиняют в том, что в рамках «шпионских заданий, полученных от *****» я якобы «осуществил собирание интересующих НАТО сведений, составляющих государственную тайну». О том, что в обвинении не сказано, в чем эти «сведения» заключаются, я уже говорил. Но еще мне не понятно, когда я эти сведения якобы собирал. Этих данных нет ни в постановлении о привлечении в качестве обвиняемого, ни в обвинительном заключении.

Поставьте себя на мое место: вам говорят, что вы совершили преступление, но не сообщают, какое именно преступление и когда. Как вы будете защищаться от этого абсурда?

6.

По делу допрошены десятки свидетелей-секретоносителей, в том числе должностные лица высшей государственной иерархии. Ни один из допрошенных не признал, что сообщал мне сведения, составляющие предмет государственной тайны.

В материалах дела есть сотни часов тайной «прослушки» моих разговоров за несколько лет, в том числе с чиновниками самого высокого уровня. Ни в одной из «прослушек» не существует даже намека на получение мной сведений, составляющих государственную тайну.

Мою квартиру прослушивали несколько лет, за мной несколько лет ходили буквально по пятам. И снова — не установлено ни малейших следов моей «шпионской деятельности».

Самое удивительное заключается в том, что все это признает сторона обвинения! В обвинительном заключении сказано прямо: понять, откуда я получил данные, якобы составляющие «государственную тайну», следствию не удалось. Так вот я говорю вам, откуда я все это получил, — из интернета, из официальных публикаций должностных лиц, из газетных статей, из открытой аналитики моих коллег!

По закону я и мои защитники имеют право заявить следователю о лицах, подлежащих вызову в судебное заседание для допроса и подтверждения позиции стороны защиты. А следователь обязан указать этих лиц в списке свидетелей обвинительного заключения.

Нами это было сделано. Мы просили включить в список подлежащих вызову в судебное заседание со стороны защиты лиц — 29 свидетелей, большая часть из которых уже была допрошена следователем. Кроме того.

мы просили вызвать в суд более 10 экспертов и специалистов, участвовавших в расследовании дела.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ не содержит положений, позволяющих следователю отказывать в таком требовании стороны защиты. Однако следователь в нашем требовании отказал. В список свидетелей не было включено ни одного из более чем 40 указанных защитой лиц. Ни одного!

Это просто немыслимо. Мне отказывают в праве защищаться. Мне отказывают в праве на защиту в принципе!

И я понимаю, с чем это связано.

С одной стороны, все названные мной лица дадут показания о том, что я не совершал преступления. С другой стороны, большинству из них придется объясняться в своих действиях. В деле имеются десятки часов аудиозаписей разговоров «свидетелей» из числа высших должностных лиц государственной иерархии. И то, о чем многие из них говорили, часто сводилось к нелюбезным оценкам действий и личных качеств высокопоставленных деятелей России.

Но одно дело — предъявить лишённое элементарного правового и нравственного основания обвинение журналисту. И совершенно другое — предъявить претензии людям в больших чинах.

Но при этом факт остается фактом — я не использовал в своих журналистских материалах ни одного слова, ни одной неосторожно или с похвальбой сказанной этими людьми фразы относительно их мнения о личности или действиях какого-либо высокого сановника, если только чувствовал, что эти слова действительно могут нанести вред моей стране, пошатнуть чей-то авторитет, продемонстрировать слабость. И это не пустые слова — в обвинении нет ни единой буквы, свидетельствующей об обратном.

К моему сожалению, суд в предварительном слушании не расценил отказ включения заявленных защитой свидетелей в список обвинительного заключения в качестве существенного нарушения закона. Сказать, что это меня удручает, — значит ничего не сказать.

Неужели я не могу защищаться в суде от предъявленного обвинения, представляя доказательства своей невиновности? Зачем тогда вообще нужен суд? Судом было предложено стороне защиты приводить свидетелей в процесс самостоятельно. Простите, но я нахожусь в тюрьме и не могу этого сделать. И я не представляю, как это могут сделать, с учетом должностного положения целого ряда свидетелей, мои адвокаты. Думаю, что моих защитников самих при первой же попытке их встречи с некоторыми из свидетелей и экспертов куда-нибудь немедленно отведут.

7.

По делу допущены чудовищные нарушения моего права на защиту.

Об этом подробно сказано в ходатайствах моих адвокатов. На признании этого факта мы будем настаивать. Не может быть приговора там, где обвиняемому запрещено защищаться.

Сейчас я хочу привести лишь один пример. Мои защитники четырежды, еще на этапе предварительного следствия, обжаловали в суде действия и решения следователя, нарушающие мое конституционное право на защиту. Жалобы подавались начиная с 17 сентября 2021 года. По нормам Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации такие жалобы должны быть рассмотрены в течение пяти суток со дня их поступления в суд. По факту ни по одной из жалоб судом вступившего в законную силу решения до настоящего времени не принято. Прошло отнюдь не пять суток — прошло больше полугода, но ни одна из поданных в суд жалоб до конца не рассмотрена. А теперь производство по жалобам будет прекращено в связи с поступлением моего дела в суд.

Кроме того, я и мои защитники не ознакомлены с материалами дела. Ознакомление с делом было

прекращено следователем незаконно, о чем подробно сказано в ходатайствах моих защитников.

* * *

Я не знаю, произведут ли впечатление на суд мои слова и моя просьба. Но мне не остается ничего другого, как просить у суда о том, чтобы он вслушался в мои слова: я не совершал никакого преступления. Год и девять месяцев меня понуждают сказать, что я виновен в государственной измене. Но я повторяю и буду повторять — я не виновен.

Я буду просить у суда содействия в восстановлении моего нарушенного права на защиту. Это, по моему убеждению, должно выражаться в следующем:

- В разъяснении стороной обвинения якобы «предъявленного» мне обвинения. Я не в состоянии защищаться от того, что не сформулировано в постановлении о привлечении меня в качестве обвиняемого.
- В ознакомлении меня с той нормативной базой, в нарушении положений которой я обвиняюсь. Я не в состоянии опровергать то, что я не нарушал законы, о существовании которых мне ничего не известно и которые мне не показывают.

- В обеспечении мне возможности выхода в ИТКС «Интернет» для поиска и последующего предоставления суду доказательств того, что вся собранная и распространенная мной информация находилась в открытом доступе и, следовательно, в моих действиях отсутствует состав преступления — государственной измены в форме шпионажа. Я имею право на опровержение лживых доводов надуманного обвинения о том, что я являюсь государственным преступником.
- В обеспечении вызова в суд всех свидетелей стороны защиты, а также всех экспертов и специалистов, о включении которых в соответствующий список обвинительного заключения я заявлял на имя следователя. Я имею право на предоставление доказательств своей невиновности.
- В предоставлении мне возможности дополнительного беспрепятственного изучения материалов уголовного дела. Я имею право знать, чем, по мнению следствия, подтверждается моя виновность.

ЧИТАТЕЛИ «МЕДУЗЫ» — В ПОДДЕРЖКУ ИВАНА САФРОНОВА

Иван, мы вернем вам письма Читатели «Медузы» пишут слова поддержки Ивану Сафронову, которому запретили переписку. А еще пересказывают мемы и советуют сериалы

(1) Дело Ивана Сафронова

Бывшего журналиста «Коммерсанта» и «Ведомостей», советника главы «Роскосмоса» Ивана Сафронова арестовали 7 июля 2020 года. По версии ФСБ, в 2017 году Сафронов, работая в «Коммерсанте», передал секретную информацию спецслужбам Чехии, а в 2015-м сообщил политологу Демури Воронину, имеющему гражданство РФ и ФРГ, информацию о российских войсках в Сирии. Защита Сафронова считает, что уголовное преследование связано с его журналистской деятельностью. Следователи это отрицают, но ранее они предлагали Сафронову заключить досудебное соглашение в обмен на раскрытие журналистских источников.

[Вернуться к тексту](#)

(2) Иван Павлов

Объявлен в России «иностранным агентом» (как и многие другие организации и люди). Мы вынуждены указывать это по требованию российских властей. Кстати, законы об «иностранных агентах» могут угрожать и лично вам.

[Вернуться к тексту](#)